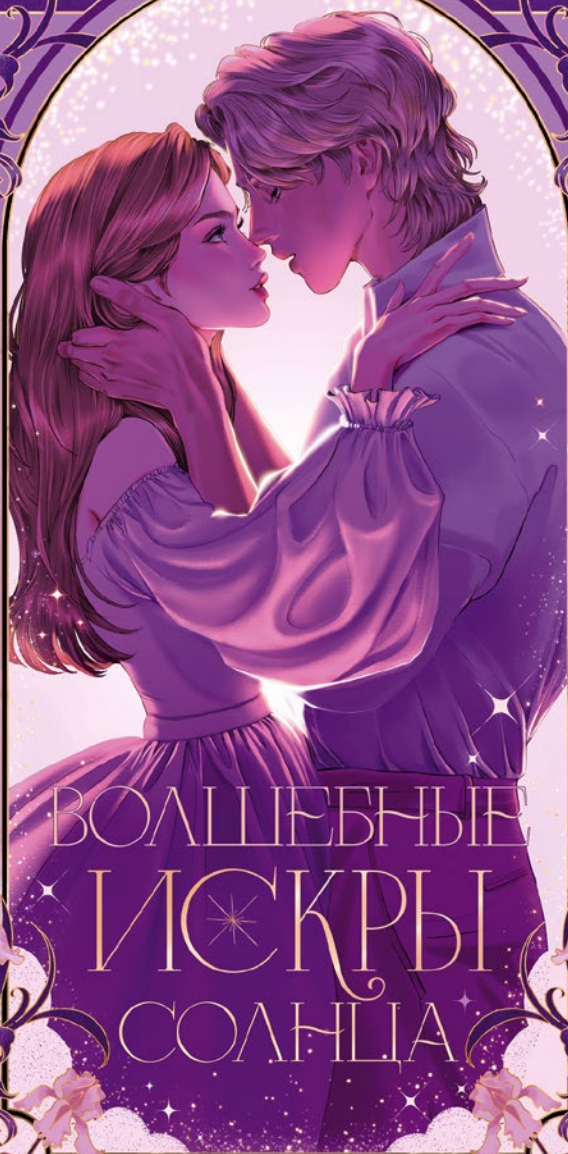

АННА ДЖЕЙН

ВОЛШЕБНЫЕ
ИСКРЫ
СОЛНЦА

5 ЧАСТЬ

АННА ДЖЕЙН

ВОЛШЕБНЫЕ
ИСКРЫ
СОЛНЦА

*Гульшат Бикмулиной — с благодарностью
за любовь к миру этой истории.*

*Тебе от меня не убежать.
Все так же твоя, судьба.*

ПРОЛОГ

В БОЛЬШОМ ТРОННОМ ЗАЛЕ «Багряных спи-лей» было холодно, темно и пугающе тихо — даже шум бушующей снаружи грозы не доносился сюда сквозь крепкие стены. А еще пахло сухой лаван-дой — едва уловимо, но терпко. Будто когда-то ее крошили меж пальцев, а затем усыпали пол цветоч-ным пеплом.

Пленник с грубо связанными за спиной руками щурился, пытаясь понять, где он находится. Из-за пропитавшей воздух тьмы казалось, будто это стран-ное место безлюдно и на каменном троне никого нет. Однако это была иллюзия. Когда алые колдовские огни взметнулись к высокому потолку, пленнику ста-ло понятно, что на троне сидит молодая женщина в черном платье до пят — она, как девочка, с ногами взобралась на него, подперев щеку рукой.

Женщина пугающе завораживала — тонкая, слов-но веточка, не лишенная при этом ленивой кошачь-ей грации. Волосы цвета воронова крыла собраны в высокую прическу, холеное белое лицо с высокими скулами и впалыми щеками казалось совершенно от-страненным. Босые ноги обвиты татуировками, слов-но черными змеями. В темных, густо покрашенных глазах клубилась чернильная тьма.

Пленник внимательно вглядывался в ее лицо, ста-раясь не выдавать сковавшего по рукам и ногам ледя-

ного страха. Вот она какая, та самая Черная королева, глава «Черной розы» — старинного ордена магов. Могущественных, темных, страшных. Та, которая с легкостью решила поломать их жизни, ведя свою игру. Люди для нее что букашки. Иные из них не то что жизни — и смерти не достойны.

— На колени перед Черной королевой, — прошипела пленнику в спину по-немецки.

Однако он так и продолжал стоять, глядя на нее немигающим взором. Ее тьма околдовывала, подчиня себе. Тогда пленника грубо толкнули в спину. И светловолосый парень, чье лицо было в засохшей крови, упал. Его все же заставили встать на колени перед Королевой. Сломали гордость — последний оплот, за который так отчаянно хваталась душа этого человека.

— Ваше величество, — согнулся в поклоне Карл, выскальзывая из тьмы. — Я привел его к вам. Как вы и хотели.

— Замечательно, — обронила Королева, рассматривая парня.

Она вдруг легко вскочила со своего огромного каменного трона и по ступенькам быстро спустилась вниз — босой, как была. Холодный каменный пол ее совершенно не пугал.

Королева бесшумно подошла к стоявшему на коленях пленнику и ласково погладила его по мягким светлым волосам, не боясь испачкаться в земле и крови, коснулась щеки кончиками холодных пальцев. Она не делала ничего такого, что могло бы причинить боль, но пленник вдруг напрягся, сжимая пальцы в кулаки — так, что проступили вены на руках. Ему было жутко. Будто его касалась не красивая женщина, а

монстр. Черная королева чувствовала это и улыбалась, наслаждаясь его страхом, смакуя его, будто сладость.

— Не бойся, малыш, — прошептала она, снова глядя его по волосам и играя со светлыми спутанными прядями. — Ничего не бойся в моих владениях. Ты в гостях у Черной королевы. Черная королева покажет тебе все свое гостеприимство.

Плечи пленника дрогнули.

— Почему ты мне не отвечаешь? — нежно спросила она и взяла парня за подбородок тонкими цепкими пальцами с длинными черными ногтями, заостренными так, что казалось: стоит Королеве провести этими ногтями по шее, как появится рана и из ее разошедшихся краев хлынет алая кровь. — Это некрасиво, малыш. Когда старшие разговаривают с тобой, нужно отвечать.

Черная королева склонилась к пленнику и заглянула в его зеленые, широко распахнутые глаза своими, позволяя ему рассмотреть их. В ее залитых чернилами глазах вспыхивали алые искры. Как у монстра. Нет, это и были *глаза монстра*. К страху примешалось отвращение, и Черная королева будто почувствовала и это. По ее белому лицу пробежала тень.

— Некрасиво, — покачала головой она и с размаху ударила пленника по щеке.

Тонкая женственная рука била с неожиданной силой, и голова пленника откинулась назад.

Взгляд Черной королевы стал пристальным, немигающим, и парень вдруг закричал от дикой боли — казалось, что голова у него разрывается на части. Он упал на ледяной пол. Его глаза закатились, спина выгнулась дугой, ноги и руки задергались, словно в судорогах. Боль была невыносимой. Терзала, заставляя

желать лишь одного — чтобы эта немислимая пытка прекратилась. Она сводила с ума.

— Непослушание наказывается болью, малыш, — прошептала Черная королева, любясь делом своих рук, будто художник — своей картиной.

— Он не знает немецкого, ваше величество, — почтительно склонившись к Королеве, тихо сказал Карл. — Позвольте, я буду переводчиком.

— Вот как? — словно удивилась она и моргнула.

Пытка болью прекратилась. Пленник затих на полу, тяжело дыша, — он так и не потерял сознание, но с трудом осознал реальность. Черная королева легко опустилась на холодный каменный пол и прижала парня к себе, легко удерживая, словно ребенка. Ее хрупкость была обманчива, силы в ней оказалось немерено. Это от нее пахло сухой лавандой — засушенными растерзанными цветами.

— Ты такой милый, — приговаривала Черная королева, и ее пальцы снова стали играть с его волосами. — Одухотворенный. Так должны выглядеть художники, актеры или поэты. Ты отлично вписался бы в мою свиту, малыш. Жаль, что ты связался с отбросами. Адрианиты слишком жалкие. Как бродячие псы, что бросаются на людей. Такие заслуживают смерти, согласен? А ты другой, породистый. Ты ведь не хочешь умирать? Такие, как ты, должны хотеть жить. Как тебя зовут, мальчик мой?

Черная королева отстранила пленника от себя — ее пальцы снова впились в его подбородок, царапая ногтями до крови. Карл, стоявший рядом, глухо переводил ее слова на русский.

— Ярослав, — с трудом вымолвил пленник, глядя в пол. — Ярослав Зарецкий.

— Я-рос-лав, — словно пробуя его имя на вкус, произнесла Черная королева. — Какое глупое имя. Я бы назвала тебя иначе, будь ты моим. Иоганн или Эрих.

Слыша, как с уст Черной королевы вместе с облачком пара слетает его имя, пленник напрягся.

— Ее величество спрашивает, хочешь ли ты жить? — бесстрастно продолжал Карл.

— Х-хочу, — едва слышно прошептал Ярослав.

— Громче, — велел Карл.

— Хочу. Очень... хочу.

Черная королева с интересом смотрела на пленника. Ей нравился его голос.

— Ее величество говорит, что жизнь — великое благо, которым не стоит разбрасываться по пустякам. Она спрашивает, что ты готов сделать ради того, чтобы жить?

— *Все*, — выдохнул Ярослав.

— Тогда ты сделаешь *все*, что скажет Черная королева, иначе умрешь, — сказал Карл, выслушав ее.

— Что я должен сделать? — облизнул разбитые в кровь губы пленник и вздрогнул: Королева снова коснулась его волос, говоря что-то на немецком.

— Жизнь за жизнь — это справедливая плата. За свою жизнь ты должен заплатить Черной королеве чужой жизнью, — произнес Карл, наблюдая, как ее величество обнимает Ярослава, словно большого плюшевого медведя, нового в ее коллекции, и едва слышно выдохнул: к нему она была настроена не так нежно.

Черная королева любила, когда ее верный Гончий испытывал боль. «Тебе идет боль, — обронила она однажды, оставляя на его загорелой коже следы от пле-

ти. — Она делает тебя прекрасным и мужественным, мой верный Гончий пес». И Карл Ротенбергер верил ей. Верил в то, что боль красит его. Раньше верил.

— Я покажу тебе кое-кого, малыш, — улыбнулась Черная королева, отстранившись от пленника, чье лицо искажал страх.

Карл знал, что этот страх въедается в кожу. Но хуже всего, если он въедается в душу — тогда от него никогда не избавиться. Страх словно клеймо. И всякий, кто будет сильнее, это клеймо увидит.

— Ты знаешь ее? — Черная королева нетерпеливо щелкнула пальцами, и в воздухе появилось полупрозрачное изображение симпатичной девушки с пшеничными волосами и серьезными серыми глазами.

Ярослав сглотнул. И когда Карл скучающим тоном перевел ему слова Королевы, ответил дрожащим голосом.

— Это... это Настя. Моя... подруга, — тихо сказал он.

— Убей ее, — просто сказала Черная королева.

— Убей ее, — глухо повторил Карл.

«Убей ее», — тонко пропели черные давящие стены.

— И тогда ты сохранишь свою жизнь, — продолжал Карл. — Жизнь Анастасии Мельниковой в обмен на жизнь Ярослава Зарецкого. Ты сделаешь это?

Пленник несмело кивнул и закрыл глаза. По его лицу покатились слезы. Черная королева стерла эту слезу ледяным пальцем и попробовала на вкус.

— Чистая душа, — прошептала она, закусывая алую губу.

И вдруг улыбнулась. Красивое лицо озарилось уродливой улыбкой. И в это мгновение стало понятно, что Черная королева куда старше, чем кажется.

— Принеси клятву и убей ее, малыш. И я не только сохраню твою жизнь, но и приму в Орден. Ты нравишься мне.

— Вы обещаете не убивать меня? — осмелев, вдруг спросил пленник сухими губами.

— Смеешь сомневаться в ее величестве? — стиснул зубы Карл.

— Я просто... хочу жить, — произнес пленник с мукой в голосе.

— Тогда закрой рот. И делай, что приказала ее величество.

— Вы обещаете? — повторил Ярослав, не отрывая взгляда от прекрасного юного лица Черной королевы.

Она снова почувствовала его страх и блаженно улыбнулась.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросила Королева Карла; тот перевел.

— Неужели ты мне не веришь, мой мальчик? — звонко рассмеялась она. — Что ж, тебе будет оказана великая милость: я принесу ответную клятву. Начнем. Карл, — властным тоном велела Королева, отбросив Ярослава в сторону, и резко встала с пола.

Она достала из складок платья кинжал и легко, будто не чувствуя боли, порезала им свою щеку. А после бросила кинжал к ногам своего Гончего пса. Тот моментально понял свою госпожу. Он помог Ярославу подняться, крепко взял чуть выше запястья и полоснул по коже окровавленным лезвием. Кровь из раны стекала по руке и капала вниз, на каменные плиты. Там, куда попадали алые капли, с шипением возникали тонкие струи дыма и тотчас испарялись. Не отпуская запястья Ярослава, Карл прошептал несколько слов. С кончиков его пальцев

сбежали черные искры и устремились к ране, обжигая кожу.

— Кровь за кровь. Тело за тело. Жизнь за смерть. Ярослав Зарецкий, клянись, что лишишь жизни Анастасию Мельникову в обмен на свою жизнь. И если клятва не будет исполнена в течение трех месяцев, ты примешь смерть вместо нее.

— Клянусь, — сорвалось с губ пленника.

— Да будет так, как обещано и заверено печатью, — вымолвил Карл.

Черные искры превратились в замысловатый овалный рисунок на запястье Ярослава, вспыхнули алым и исчезли.

— Кровь за кровь. Тело за тело. Жизнь за смерть. Клянусь оставить тебя в живых, Ярослав, если убьешь ту, которую обещал мне лишить жизни, — прошептала Черная королева. — И если клятва не будет исполнена, приму смерть вместе с тобой.

— Да будет так, — продолжил Карл.

Черные искры с пальцев Карла устремились к порезу на щеке его госпожи, вспыхнули и тоже исчезли — вместе с порезом, словно его и не было. Ее лицо оставалось все таким же прекрасным.

На мгновение в тронном зале повисла тишина, которую разбил смех Черной королевы. Смеясь, легкой походкой она подошла к окаменевшему пленнику и крепко поцеловала в губы — ей было все равно, что на них запеклась кровь. Так еще слаще. Еще острее.

На поцелуй Ярослав не отвечал — будто терпел ее ледяные губы на своих. И Черная королева, мгновенно разозлившись, вновь ударила его по лицу, заставляя пошатнуться.

— Поцелуй ее величества — честь, — сказал Карл негромко. Но в голосе его было предостережение. — Ответь взаимностью. Не зли ее.

Королева вновь потянулась за поцелуем, запустив цепкие пальцы в волосы Ярослава.

— Ты такой милый. Мой поэт. Художник. Актер. Будешь украшением моей свиты. Я чувствую в тебе отголоски сильной крови. — Она глубоко втянула воздух около его бледной щеки. — Жаль, что ты пуст. Твою магию я бы выпила до дна.

Ее холодные, словно лед, губы коснулись его скулы, ласково прошлись по щеке, вновь нашли губы Ярослава. Но теперь Королева не пыталась поцеловать его — она слизнула капельку крови и закрыла глаза, словно прислушиваясь к своим ощущениям. Тень от ее длинных ресниц падала ей на лицо.

— И кровь сладкая, — прошептала Черная королева. — Уходи. И исполни клятву.

Она резко вонзила острые, будто стальные, ногти в его предплечье, и на руке вздрогнувшего Ярослава выступила кровь. Королева обмакнула в нее кончики пальцев и размазала по своим губам — они тут же заблестели алым.

— Такой милый. Я поиграю с тобой как следует, когда ты исполнишь клятву, когда сломаешься, — сказала она мечтательно и взошла на трон. — Уводите мальчика. Все вон! Все! Карл, останься.

Ярослава тотчас снова схватили под руки и поволокли прочь из тронного зала. Там остались лишь Ротенбергер, покорно преклонивший колена, и его госпожа. Огни погасли, тьма окутала их. Стоило Ярославу сделать шаг за порог, как он вдруг услышал крик Карла. А потом массивные кованые двери

захлопнулись. И снова наступила тишина. Ярослав шел, преодолевая боль во всем теле. И в голове его билась только одна-единственная мысль: Анастасия Мельникова должна умереть. *Жизнь за смерть*. Кожа там, где ее коснулись черные искры, горела, будто от ожога. Но на ней не осталось ни следа. Только кровь.

ГЛАВА 1

Месяц назад

ИХ БЫЛО ВОСЕМЬ. Четыре женские тени. Четыре — мужские. Они обступили нас полукругом, заставляя отступить назад, а за спиной морским прибором вздыхала бездна.

Их глаза сияли, будто хрусталь под лучами зимнего солнца. А по рукам пробегали искры — неоновосиние, то ярко вспыхивающие, то гаснущие; изредка они срывались с кончиков пальцев и падали на землю, тотчас растворяясь в ней.

Тени стояли напротив нас на высоком уступе скалы, над которой сверкало звездами, словно глазами, густое черное небо. В лицо нам дул холодный ветер, несущий горечь луговых трав и запах морской соли. Внизу неистово бились о скалы волны — темные, как и небо. Лунный свет падал на наши лица, но *их* лица скрывала тень.

Мы с Ярославом крепко держали друг друга за руки, не в силах оторвать взгляд от теней. Мы были так заморожены ими, так околдованы, что почти не чувствовали страха. Но каждая мышца во мне была напряжена, каждый вдох наполнен решительностью, и каждую секунду я готова была бежать прочь. Мы обязательно спасемся.

Где-то раздался взрыв смеха — кто-то словно услышал мои мысли. Тени дружно шагнули вперед, и нам

с Ярославом пришлось сделать шаг назад. До края уступа оставалось несколько метров. Они хотят, чтобы мы упали в объятия бездны? Не дамся!

— Кто вы? — с трудом разомкнула я губы.

— Что вы от нас хотите? — хрипло подхватил Ярослав, закрывая меня плечом и не отпуская мою ладонь.

Его пальцы были холодными — как всегда, но отчего-то это меня успокаивало. Я знала, что он настоящий. Даже в этом мире, сотканном из иллюзий, он живой.

— Добра, — прошептала женская тень, и мне показалось, что я уже слышала этот голос.

— Тогда отпустите, — потребовал он. — Дайте уйти.

Вместо ответа они сделали еще один шаг, заставляя нас снова отступить.

— Вы хотите, чтобы мы упали? — спросила я срывающимся голосом, понимая: еще несколько шагов, и отступить будет некуда. Мы сорвемся со скалы.

— Мы хотим вас спасти, — подала голос мужская тень (самая высокая), и этот голос показался знакомым.

Ветер усилился — завыл так протяжно, что похолодело внутри. Тонкой нитью сверкнула молния, и почти сразу же где-то вдалеке разразился громовой залп. На нас надвигалась гроза.

— Не похоже, — усмехнулся Ярослав. — Эй, отпустите хотя бы ее. Дайте ей уйти. А я останусь.

— Нет, нельзя! Нельзя! — подхватила женская хрупкая тень.

Почему мне кажется, что и ее я когда-то слышала?..

— Вы останетесь оба, — покачала головой мужская тень.